

— Бесстыдник? И при этом ты всё равно держишь меня в управляющих? — ворчал себе под нос Лу Силай, ковыляя на больной ноге от главных ворот поместья.

У господина премьер-министра всё было схвачено. Стоило Лу Силаю дёрнуться к выходу, как выяснилось: стража на воротах получила строгий приказ не выпускать раненого управляющего из дома.

Слухи в столице разлетались быстрее ветра, обрастая нелепыми подробностями. Всего за пару дней и в поместье, и за его пределами узнали, что у господина Яня появился новый хромой фаворит. Шептались, будто премьер-министр и дня не может прожить без своего любимца, теряя покой и сон. Слуги и стражники при встрече с ковыляющим Лу Силаем теперь отвечивали глубокие поклоны и участливо справлялись о его здоровье.

А «любимец» тем временем едва сдерживал стоны. Янь Шэнь каждый день допрашивал его об одном и том же, а когда злился — делал вид, будто дружески разминает плечо Лу Силая. Пальцы премьер-министра сжимались с такой силой, что суставы предательски хрустели. Янь Шэнь словно вознамерился разобрать его по косточкам.

Лу Силай обливался холодным потом, стискивая зубы до боли в челюсти. Он уже всерьёз сомневался, что остаться здесь было здоровой идеей.

За свою жизнь он кем только не был: торговал мелочью, гадал на улицах, сочинял стихи на заказ, писал письма за неграмотных и даже рисовал парсуны. Но он совершенно не представлял, чем на самом деле должен заниматься управляющий в таком знатном доме. Поскольку конкретных поручений не давали, а из поместья не выпускали, Лу Силай просто бродил по территории.

Оказалось, резиденция не такая уж и огромная, как он себе воображал. Главный двор смотрел на юг, а по сторонам располагались ещё три: Северный, Западный и небольшой Восточный флигель для челяди. Оценив масштабы своих владений, Лу Силай даже почувствовал прилив гордости. Если бы не ноющее от ран тело, напоминающее о том, насколько опасна эта служба, он бы, пожалуй, окончательно приободрился.

На исходе третьего дня Лу Силай, прихрамывая, забрел к небольшому пруду в саду. Устав от ходьбы, он присмотрел себе валун у воды и только собрался присесть, как за спиной раздались поспешные шаги. Обернувшись, он увидел мужчину лет тридцати — это был Чэнь Кэ.

— Управляющий Линь.

— А... да. Что стряслось?

Чэнь Кэ протянул ему пару костылей.

— Я личный телохранитель господина премьер-министра. Его превосходительство велел передать это вам.

Лу Силай недоверчиво принял подарок. Он посмотрел на Чэня Кэ, словно пытался разглядеть за его спиной самого Янь Шэня, потом изучил костыли и негромко пробормотал:

— Надо же, в нём всё-таки осталось что-то человеческое.

— Господин велел передать ещё кое-что.

Лу Силай уже поднялся, примеряясь к костылям, и бросил, не поднимая головы:

— И что же?

— «Вставай на костыли и через полпалочки благовоний будь у ворот».

***

— Слишком медленно, — бросил Янь Шэнь.

Он взмахнул рукавом и, даже не взглянув на запыхавшегося калеку, запрыгнул в экипаж.

«Медленно?! Да калека у тебя уже бегом бегают, а тебе всё мало! Собака через забор прыгнет — тоже скажешь, низковато?»

Лу Силай ещё пытался отдышаться, когда полог кареты откинулся и показался недовольный Янь Шэнь.

— Чего застыл? Живо внутрь.

Лу Силай сглотнул, собрал последние силы и неловко вскарабкался в повозку.

— Куда мы едем? — тревожно спросил он, устроившись на свободном месте рядом с хозяином.

Янь Шэнь сидел неподвижно, словно каменная статуя Будды, и его вид не предвещал ничего хорошего.

— На банкет.

— К государственному дяде Ляну? На юбилей?

Янь Шэнь заинтересованно вскинул бровь и наконец соизволил взглянуть на своего спутника.

— Я сам получил приглашение только вчера. А ты, я смотрю, осведомлён.

— Сами знаете, на рынках новости разлетаются быстрее, чем в министерских коридорах.

Заметив самодовольную мину Лу Силая, Янь Шэнь помрачнел.

— И что ещё болтают на рынках? — холодно осведомился он.

Лу Силай почувствовал перемену в настроении хозяина и поспешил отодвинуться.

— Да так... про изысканные блюда да заморские вина. Что ещё людям обсуждать?

Янь Шэнь то ли не поверил его притворному простодушию, то ли просто раздражился. Он поправил одежду и уставился прямо перед собой.

— Лю Бан, отправляясь на пир, взял с собой Чжан Ляна. Надеюсь, мне в спутники достался не балласт.

Лу Силай от удивления даже подался вперёд.

— С чего такие сравнения?

Янь Шэнь чеканил слова, и в голосе его сквозил ледяной холод:

— Это Хунмэньский пир.

— Да это и ежу понятно!

Лу Силай осекся, поймав на себе тяжелый взгляд премьер-министра, и поспешно прикрыл рот ладонью. Лишь когда гнев Янь Шэня немного утих, он рискнул прошептать:

— Можно подробнее?

Янь Шэнь не стал набивать цену.

— Тут и рассказывать особо нечего. Государственный дядя Лян — брат нынешней императрицы. Родной дядя Наследного принца.

В последние годы император тяжело болел и мог отойти в мир иной в любой момент. Стоит государю закрыть глаза, как трон перейдет к принцу. Вопросы престолонаследия всегда пахнут кровью, так что собрать чиновников за одним столом — лучший способ прощупать почву и заставить их определиться с выбором.

Лу Силай, хоть и был далек от большой политики, быстро сообразил, к чему клонит хозяин.

— Понятно. Ну, всё-таки это не совсем Хунмэньский пир, не стоит сгущать краски.

— Я не совсем понимаю, что ты вкладываешь в понятие «сгущать краски».

Лу Силай приподнял бровь. Похоже, самое весёлое Янь Шэнь приберег на десерт.

— Кажется, ты не до конца осознаешь моё положение, — продолжил премьер-министр. — Я уже несколько раз подавал государю прошения о лишении принца статуса наследника.

От этих слов у Лу Силая потемнело в глазах. Он уставился на Янь Шэня, а тот, к его негодованию, выглядел почти гордым. Это было не просто упрямство — это было чистое самоубийство.

Какой там Хунмэньский пир! Это был последний ужин перед плахой.

Лу Силай тут же схватился за костыли и попытался встать, дергая за занавеску.

— Стой! Остановите! Я выхожу! Я передумал!

Но не успел он сделать и шага, как Янь Шэнь железной хваткой вцепился в его запястье и дернул на себя.

Премьер-министр сверкнул темными глазами прямо перед лицом Лу Силая. Тот на мгновение замер, замороженный этим взглядом. Рухнув обратно на сиденье, он еще несколько секунд сидел в оцепенении.

— Успокойся. Тебя никто убивать не станет.

Янь Шэнь снова принял свой обычный скучающий вид — верный признак того, что он подавляет ярость. Будь Лу Силай осмотрительнее, он бы забился в угол и не отвечивал, но сейчас он против воли засмотрелся на хозяина.

Он привык видеть Янь Шэня злым, жестоким или саркастичным, но никогда не приглядывался к его чертам. И только теперь заметил: премьер-министр был дьявольски красив. Безупречный лоб, идеальный разлет бровей, точеный нос и четко очерченные губы. В его облике сочетались молодая дерзость и надменность высшей власти, создавая пугающе притягательный образ.

— На что уставился?

Лу Силай пришел в себя. Янь Шэнь смягчился, и стал еще привлекательнее. В Лу Силае проснулась былая наглость: он улыбнулся и пододвинулся ближе к хозяину.

— Отодвинься. Тошнит от тебя.

***

Юбилей государственного дяди поражал воображение. Лу Силай никогда не видел ничего подобного и, по правде говоря, чувствовал невольный азарт. Толпы гостей, один изысканнее другого: кто-то лучится благородством, кто-то сыплет остротами, кто-то сверкает сталью во взгляде. Каждый второй — дракон среди людей. Лу Силай долго вертел головой, но в итоге снова посмотрел на своего хозяина.

Как ни крути, а этот был красивее всех.

Янь Шэнь, почувствовав его взгляд, с явным отвращением отвернулся.

В этот момент к ним неспешно подошел седовласый старец в богатых одеждах и пурпурном венце. Рядом шествовала его супруга в окружении свиты.

— Господин Янь почтил нас своим присутствием! Моя скромная обитель сияет от такого гостя.

— Получив приглашение на юбилей государственного дяди, я просто не смел не явиться.

Обычный обмен любезностями, пустые слова, которые Лу Силай сотни раз слышал в уличных театрах. Но что-то в голосе хозяина заставило его насторожиться. Он поднял глаза на Янь Шэня.

Увидев его лицо, Лу Силай почувствовал, как кровь стынет в жилах.

Смертник. Этот человек — форменный самоубийца! Он произносил вежливые слова, но на его лице не было и тени улыбки. Даже дежурной, фальшивой гримасы!

— Господин Янь шутит, — государственный дядя улыбнулся заметно холоднее. — Неужели я

похож на того, кто потащит вас сюда силой?

— На самом деле, ощущения именно такие.

Лу Силай чувствовал, как за шиворот заползает ледяной страх. Он кожей ощущал, что их головы уже висят на волоске.

Нужно срочно сменить тему!

Но Лу Силай впервые оказался в обществе такого ранга и просто не знал, с чего начать.

Семь лет скитаний научили его зоркости, но сейчас, погруженный в свои мысли, он не сразу заметил, что кто-то из свиты юбиляра пристально за ним наблюдает.

Увидев калеку, который застыл с полуоткрытым ртом и блуждающим взглядом, этот человек пренебрежительно усмехнулся, решив поиздеваться.

Пока Лу Силай мучительно подбирал слова, из-за спины старца раздался насмешливый голос:

— Господин премьер-министр, почему в вашей свите только один калека? Неужели в вашем поместье больше никого не осталось?

Лу Силай посмотрел на говорившего — это был юноша лет двадцати в роскошных одеждах. В душе управляющий даже почувствовал к нему благодарность за то, что тот прервал затянувшееся молчание.

Обычно издевательство — это как брошенная петарда: швырнул и смотришь, как другой корчится от злости. Но Лу Силай отреагировал так, будто петарда взорвалась в руках у самого шутника. Он лишь кротко и признательно кивнул, чем сбил наглеца с толку. Тот лишь скривился, не зная, как продолжать.

Наблюдавший за сценой со стороны Чжао Цзинжэнь едва сдержал смешок, прищурившись от удовольствия. Ему всегда нравилось, как этот прохиндей умеет прикидываться дурачком, ломая все правила игры. Никто не мог предугадать ход его мыслей, и чем серьезнее был противник, тем сокрушительнее оказывалось его поражение.

— Это мой управляющий, — спокойно пояснил Янь Шэнь. — Он весьма искусен в делах. Без него я как без рук.

Лу Силай согласно закивал, но тут же похолодел: Янь Шэнь начал вдохновенно врать.

— Он человек выдающихся талантов. Блестящий ум, мастер и слова, и меча.

«Чего?!» — Лу Силай едва не выронил костыль. О каких это талантах речь? Он и сам не знал, что «выдающийся», а уж «мастер меча» из него был как из козы барабанщик.

— Вот как? — подал голос тот самый юноша. Он тут же ухватился за возможность. — Раз господин премьер-министр так его расхваливает, значит, слог его должен быть безупречен. Что ж, раз мы празднуем юбилей моего дяди, не желает ли этот почтенный мастер сразиться со мной в искусстве парных надписей?

«Дяди?» — Лу Силай окончательно лишился дара речи. Так этот юнец и есть Наследный принц?

Деваться было некуда. Чувствуя на себе взгляды гостей, Лу Силай прошептал едва слышимо:

— Согласен.

У принца, видимо, был отличный слух. Он раскрыл веер, победно улыбаясь, и произнес первую строку:

— Долголетие чтимо людьми, подобно Южной горе.

Вокруг тут же начали собираться книжники и ценители словесности. Лу Силай хоть и был наполовину литератором, но от такого внимания растерялся. Он заставил себя успокоиться. На банальное «Южная гора» просилось «Восточное море», но ответить «Благодать дарована небом, подобно Восточному морю» было бы слишком заурядно.

Он глянул на государственного дядю и всё понял.

— Добродетель ценима миром, превыше Северной звезды!

Не за удачу похвалил, а за нравственность.

— Хм, — старец довольно погладил бороду. Лесть пришлась ему по вкусу.

Принц не сбавлял оборотов. Подумав мгновение, он выдал вторую строку:

— Луна полна, и люди вместе, чета любит сияньем ясным.

Намек на юбиляра и его супругу был прозрачен, а сама строка — простовата. Лу Силай ответил мгновенно:

— Гостей черед, и чаши полны, чета делит красу осенней ночи.

Строка была безупречна — и по форме, и по смыслу она превзошла оригинал.

Принц перестал улыбаться. Он сделал несколько шагов, обдумывая ответ. Наконец он резко захлопнул веер и произнес, чеканя каждое слово:

— Гранат в цвету — сулит удачу, и первый чин сиянье множит!

Строка казалась простой, но в ней был скрыт глубокий смысл: «гранат» и «цветок» намекали на шестидесятилетие, а «первый чин» напоминал о триумфе юбиляра на экзаменах. Книжники вокруг восторженно зашумели.

Принц сиял, глядя на Лу Силая сверху вниз. Тот стоял, опершись на костыли и низко опустив голову. Казалось, задача была невыполнима.

Но Лу Силай молчал недолго. Он поднял глаза и громко произнес:

— Годжи плоды — продлят года, и век столетний завидней рая!

В той же части строки он скрыл намек на столетний юбилей — вершину долголетия. На мгновение воцарилась тишина, а затем в толпе кто-то не выдержал и выкрикнул: «Браво!»

Но не успел гул одобрения набрать силу, как над садом прогремел яростный окрик:

— Наглец!

Наследный принц в мгновение ока оказался рядом. Раздался звонкий хлопок — пощечина была такой силы, что Лу Силай, пошатнувшись, отлетел в сторону.

Кое-как удержавшись на ногах, он замер, не в силах вымолвить ни слова.

Похоже, такая у него была судьба — получать по лицу.

<http://bllate.org/book/17426/1692348>